

Василий Аксенов

Три шинели и Нос

*Часть сборника
Негатив положительного героя
(сборник)*

Негатив положительного героя

Василий Аксенов
Три шинели и Нос

«ЭКСМО»

1996

Аксенов В. П.

Три шинели и Нос / В. П. Аксенов — «Эксмо», 1996 — (Негатив
положительного героя)

ISBN 978-5-457-11301-5

«Постоянно причисляемый к «шестидесятникам», я и сам себя таковым считал, пока вдруг не вспомнил, что в 1960 году мне уже исполнилось двадцать восемь. Лермонтовский возраст, этот постоянный упрек российскому литератору, пришелся на пятидесятые, и, стало быть, я уже скорее «пятидесятник», то есть еще хуже...»

ISBN 978-5-457-11301-5

© Аксенов В. П., 1996

© Эксмо, 1996

Василий Аксенов

Три шинели и Нос

Постоянно причисляемый к «шестидесятникам», я и сам себя таковым считал, пока вдруг не вспомнил, что в 1960 году мне уже исполнилось двадцать восемь. Лермонтовский возраст, этот постоянный упрек российскому литератору, пришелся на пятидесятые, и, стало быть, я уже скорее «пятидесятник», то есть еще хуже.

Стиляжные пятидесятые, тайные экскурсии в Чаттанугу! В моем случае эта экскурсия в конце концов из тайной стала явной, поскольку в 1980-м я получил пинок красным лаптем под задницу.

Приятен мне, господа, русский суффикс «яга». Идет он, несомненно, от скифов и пахнет кочевой чертовщиной. Всегда осязаю его присутствие, когда думаю о том, как «комму-няга» ненавидел «стилягу», как он, «бедняга», немного подох, а стилиага, оказывается, еще немного жив, «доходяга». В этом ключе можно и в индейскую Чаттанугу всунуть дольку скифского чеснока, тогда у нас все закончатся.

Прошлым летом Виктор Славкин пригласил меня на премьеру своего фильма о «пятидесятниках». Бывшие стилиаги рассказывали в этом фильме о своей молодости. Каждого из них режиссер усаживал на просторное сиденье открытого ЗИСа и снимал с одной точки во время проезда по Москве. Эффект получался любопытный. Пожилой человек пытается что-то вспомнить, говорит вяло, неинтересно и вдруг замечает какой-то перекресток, арку какого-нибудь памятного ему дома, и тогда сквозь опустившиеся брыли и набухшие подглазья пролетает искра, и вы на мгновение видите перед собой мальчишку тех времен сорокалетней давности.

Во время дискуссии Славкин предложил мне выступить, поделиться воспоминаниями о стилиажных пятидесятых. Признаться, мне не хотелось говорить. После учебного года в американском университете в Москве вообще-то хочется помолчать. Вдруг в зале я увидел знакомое лицо – впоследствии выяснилось, что это была дочь одной девчонки из нашей молодой компании, – и как-то сразу возникла череда сцен, «полусмешных, полупечальных», странный парафраз к одной из моих нынешних университетских тем, к «Гоголиане». Теперь все это превращается в рассказ.

Я никогда не был стилиагой в гордом и демоническом смысле слова. Скорее уж я был жалким подражателем, провинциальной стилиажкой. Иной раз во время каникулярных поездок из Казани в Москву или Питер я видел группки немислимых гордецов в узких брюках и ботинках на толстой подошве, с набриолиненными башками стоящих возле «Авроры» на Петровских линиях или возле «Астории» на Исаакиевской. Набриолиненная башка была, пожалуй, самым доступным атрибутом из стилиажного набора, и мы с такими башками собирались на танцах в казанском Доме ученых. Что касается шмоток, то тут от нас за версту разило халтурой, потугами провинциальных «телеграфистов».

Между тем на экраны каким-то чудом прошел французский фильм «Их было пятеро». Там герой таскался в пиджаке со сверхразмерными плечами и длинной шлицей через всю задницу. Он даже, кажется, что-то говорил об этом пиджаке своей девушке: вот, мол, видишь, какой у меня американский пиджак! Вдвоем с молодым портняжкой мы решили замастырить такой пиджак из местных материалов. Облазив все магазины, нашли ткань в мелкую клетку. Портняжка трудился три недели и наконец сказал, довольный и гордый: «Ну вот, Васек, теперь ты у меня в порядке, как пограничник!» Какое отношение я имею к пограничнику в таком «клевом» пиджаке, я не спросил и полетел, то застегиваясь, то расстегиваясь, развеваясь шлицей и напевая стилиажный «сумбур вместо музыки».

Однажды дяде сшили новый китель,
В обтяжку
Он на нем сидел.
Но после долгой глажки
Усердного портняжки
Тот китель
Вверх тормашкой
Полетел!
О, миледи!
Тот китель
Вверх тормашкой
Полетел!

Едва я появился в своем новом пиджаке на курсе, как сразу же стал объектом комсомольской сатиры. В стенгазете «Лечфаковец» тиснули карикатуру с рифмованной подписью:

Этот клетчатый пиджак
Был хорош бы для стилияг,
Ну а вас, сокурсник Вася,
Он совсем, совсем не красит!

Таким образом мединститут меня вписал в свою малочисленную команду мальчиков для битья, и с тех пор в каждом выпуске «Лечфаковца» я находил что-нибудь о себе под рубрикой «Кривое зеркало». Только много лет спустя я узнал, что все эти стишки и карикатуры на меня тщательно собирались местной гэбухой, поскольку я находился у них «в разработке», но это особая тема.

Вьюноша всегда мечтает стать частью городской мифологии, и поэтому я был очень вдохновлен, когда меня в моем пиджаке стали приглашать постоять с ними другие персонажи «окон сатиры», а именно: Владик «Крукса», Сережа Елкин-Палкин, Ирина «Домино», Ушанги Амбердыдзендзиашвили. Увы, постоять с ними возле мраморного льва на главной улице я мог только поздней весной или ранней осенью. В холодное время я ко льву старался не приближаться в связи с отсутствием соответствующей «упаковки».

Сейчас могу признаться: я ненавидел свое зимнее пальто больше, чем Иосифа Виссарионовича Сталина. Это изделие, казалось, было специально спроектировано для уничижения человеческого достоинства: пудовый драпец с ватином, мерзейший «котиковый» воротник, тесные плечи, коровий загривок, кривая пола. Студенты в этих пальто напоминали толпу пожилых бюрократов.

И вдруг однажды сверкнул мне «луч света в темном царстве». В тот день, подлеиший мартовский слякodenь, забрел я в комиссионку на Кольце. Обычная дыра, завешанная траченными молью бухарскими коврами и чернобурками, заставленная китайскими вазами и термосами. И все-таки эти нафталинные лавки имели какое-то отношение к городской мифологии. Об этой на Кольце, в частности, было известно, что в ней Сережа Елкин-Палкин купил когда-то набор иностранных пластинок с собакой возле раструба граммофона, из которого доносится голос ее любимого хозяина.

Едва лишь я в тот день подошел к этой комиссионке, как из нее вышел мужчина лет на десять старше меня, не кто иной, как джазист-«шанхаец» Герман Грамматиевич. Он был без пальто.

Эти «шанхайцы», молодые русские патриоты, играли еще недавно в большом оркестре и развлекали буржуазную публику в огромном городе на реке Хуанпу. Грандиозные победы

красных орд товарища Мао Цзэдуна подтолкнули весь оркестр выехать на историческую родину. Джазисты еще не догадывались, что история там в данный момент повернулась задницей к подобным американизированным биг-бэндам. Неся с собой репертуар Гленна Миллера и Вуди Германа, они думали: вот тебе, любимая родина, все лучшее, чему научились молодые патриоты на реке Хуанпу!

Благодарность родины оставляла желать много лучшего, однако не дотянула и до худшего. Могла бы ведь и полоснуть поперек пюпитров, однако вместо этого просто пенделем под зад вышвырнула космополитическую заразу в пыльный Зеленодольск, штаб-квартиру умирающей Волжской военной флотилии, с ее плоскодонными крупнопушечными мониторами. Там козы толпой проходили под вечер по главной улице, что давало возможность джазистам сравнить их бляение со звуками международного сеттльмента в Шанхае.

Вдруг неизвестно откуда пришло смягчение для патриотов: разрешено перебазироваться в Казань и там перейти на одиночное репатриантское существование. До сих пор не понимаю, почему наша родина вдруг проявила такой либерализм и не отправила лабухов на свои колымские уголья вместо университетского города, где уже с жадностью подрастало новое студенческое поколение. Так или иначе, «шанхайцы» рассосались в Казани по ресторанам, кинотеатрам и клубам, где стали исполнять утвержденный реперткомом набор народной музыки. И все-таки, и все-таки иногда «под балдой», перемигнувшись с публикой, они вдруг выдавали свой свинг, растягивая перед местной жалкой молодежью огромные медные закаты внешнего мира.

Итак, это был один из них, из нездешних, некий барабанщик Гоша Грамматиевич, который, сдав последнее пальто в комиссионку, теперь налегке скользил к магазину «Винаводы». Через минуту я уже смотрел на пальто Грамматиевича из-за китайской вазы. Под эгидой Китая в тот день сцепилась связь времен, распавшаяся ранее под эгидой России. Из-за вазы с драконами русский юнец взирал на американское пальто, купленное когда-то на реке Хуанпу. Хоть и неуклюжая, но все-таки попытка найти гармонию в экзистенциальном хаосе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.